

sehr man sich auch an diese "unlogische Ausdrucksweise" gewöhnt haben möge, man müsse sie in heutiger Zeit austauschen für *Azərbaycan Türk dili* oder *Azərbaycan Türkcəsi*, da Türkisch immerhin seit 1000 Jahren in dem, was heute Nord- und Süd-Aserbaidschan ist, gesprochen worden sei. *Türk dili* andererseits lehnte Cäfärov als zu allgemein und *Azəri dili* oder *Azəri Türkcəsi* als Relikt eines kurzlebigen Ausdrucks aus den 1960ern ab²⁰.

Diese knappe Presseschau zeigt, daß es allen Beteiligten an der Diskussion um die Staatssprache darum geht, in der Welt als eigene Nation wahrgenommen zu werden, gleich ob sie dies mit der Sicherheit begründen, die die geschichtlich gewachsenen Realitäten dem unabhängigen Aserbaidschan verleihen, oder mit dem kostbaren Erbe der türkischen Sprache, das sie mit Stolz erfüllt. Dennoch läßt sich eine tiefe Verunsicherung ob der eigenen Identität in der türkischsprachigen Bevölkerung Aserbaidschans wahrnehmen, die nicht nur eine Nachwirkung der in der sowjetischen Periode durchgemachten Entwicklung ist.

²⁰ Kein Verständnis für die im Ausland gebräuchliche Bezeichnung "Azeri" für die Aserbaidschan-Türken und ihre Sprache zeigt Tofiq Melikli, s. "Azeri mi, Türk mü?" (Azeri oder Türke?), in *Türk Dili* 569, Mai 1999, pp. 403-405.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ОБРАЗ КАГАНА В ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Среди древнетюркских рунических памятников Центральной Азии главное место по праву занимают эпитафии Бильге-кагану (735 г.), Кюль=тегину (732 г.) и надпись Тоньюкука (около 725 г.), открытые в бассейне реки Орхон. Источниковедный анализ этих сравнительно крупных текстов, начатый В. В. Бартольдом, И. Марквартом, П. М. Мелиоранским, П. Пельо и продолженный многими другими исследователями, осуществлялся: а) методом сопоставления орхонских надписей с независимыми от них группами источников (византийскими, арабскими, персидскими, согдийскими, китайскими, тибетскими, хотано-сакскими, тохарскими); б) методом выявления повествовательных закономерностей самого древнетюркского текста. Новые возможности для историографической интерпретации надписей открывает еще мало освоенный прием – функциональный анализ типических образов надписей, первым из которых является образ кагана.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, не в малой степени была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюркского племенного союза. Таким социальным идеалом выступает в надписях «вечный эль народа тюрков», т.е. созданная тюрками империя. Гарантом благополучия «вечного эля» был избранный Небом каган, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и «всего народа».

Имя кагана выступает как эпоним («в эле Ильтериш-кагана», «в эле Бильге-кагана») и синоним названия государства («земля Капаган-кагана»). Ради «тюркского эля» каган должен «приобретать (т.е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения», ради «народа тюрков», он должен «не спать ночей и не сидеть (без дела) днем». Война и мир, битва и союз – все решается по воле кагана для благоденствия «тюркского эля». Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими не исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т.е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устанавливает» тюрков в «стране Отыкен», т.е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть племенных земель в своей собственной стране каким-либо группам иммигрантов (например, согдийцам). Главным преступлением «народа» против кагана и «вечного эля» была откочевка на другие земли, т.е. выход из-под каганской власти. Поэтому, памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил отделение – откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собрание» и «устройство» народа на подвластной кагану земле, т.е. создание политической организации, системы подчинения.

Более детальный анализ действий кагана в орхонских надписях несомненно добавит к образу тюркского правителя многие другие черты, определяющие его положение в общественной и государственной системе. Однако, важно установить, подчинялся ли образ кагана в тексте какому-либо заранее определенному идеалу, например, идеалу мудрого и смелого правителя, который полностью или по большей части снимал реалистичность изображаемого лица, или же для трактовки образа имелась иная установка.

В орхонских памятниках упоминается две плеяды каганов – древние каганы и каганы – современники создателей памятников. Из древних каганов двое, Бумын и Истеми, родоначальники династии и создатели империи, изображаются как великие завоева-

тели, добывшие тюркскому элю земли и богатства. Таким же образом изображают этих каганов византийские, арабские и китайские исторические сочинения. Относительно всех других древних каганов в надписях говорится нечто совершенно противоположное: «После них (т.е. после Бумына и Истеми – С. К.) стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели на царство трусливые каганы» (*Памятник в честь Кюльтегина, большая надпись, стк. 4-5*). Противопоставление «мудрых» и «неразумных», «смелых и трусливых» каганов, сделанное через 150 лет после описываемых событий, полностью соответствует историческим результатам правления наследников Бумына и Истеми (длительная кровавая междоусобица, развал и гибель тюркского эля) и свидетельствует о причастности автора надписи к наличествующей в государстве историографической традиции.

Из «новой» плеяды каганов упомянуты трое – Ильтериш, его младший брат Капаган, сын Ильтериша Бильге. Деятельность Ильтериша, основателя новой династии и второго каганата, в двух текстах из трех оценивается в панегирических тонах. А в надписи Тоньюкука его образ совсем иной – это деятельный, но отнюдь не мудрый каган, обязанный всеми успехами своему советнику; более того, и каганом он стал по выбору Тоньюкука. Образ следующего кагана, Капагана, еще более противоречив. Наряду с выражениями, вполне пристойными для характеристики царствующей особы и близкого родственника, орхонские надписи прямо намекают на политическую неполноценность предшественника Бильге-кагана. Он единственный из «новых» каганов, который не был избран Небом, а сам «сел на царство» без божественной санкции. О времени его правления прямо сказано: «Тогда в Отыкенской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки» (*Памятник в честь Кюльтегина, малая надпись, стк. 4*). «Степняки», которые пережил тюркский эль в последние годы правления Капагана, отнесены не только за счет «неразумного» поведения и «измен» подданных, но и за счет «теперешней порчи»

самого кагана. Еще более уничижительно рисуется Капаган в надписи Тоньюкука. Иначе говоря, в более завуалированной форме (речь идет о недавней междоусобице!) повторено противопоставление между «мудрыми» и «неразумными» правителями.

Очевидно, что образ того или иного кагана характеризовался надписью по результатам его деятельности на пользу аристократического и иерархического тюркского эля, в соответствии с социальной сверхзадачей эпитафийного текста и политической тенденциозностью его автора. Вступая в противоречия друг с другом, споря в оценках и выводах, авторы орхонских надписей соперничают друг с другом в точности и убедительности описания событий, представляющимися им главными в недавней истории тюркского эля. Именно поэтому надписи подлинно историчны. Их лапидарность огорчительна, а селективность неизбежна. Их политическая тенденциозность не только не умаляет, а, напротив, повышает значение надписей как исторического источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений позволяет ясно обозначить социальные конфликты и политические противоречия в государстве древних тюрков.

AGNIESZKA KUCZKIEWICZ-FRAŚ

ABOUT THE SUFFIX *-cī* IN HINDI (II)¹

1. *bañdūkcī* 'strelak' (Beskrovnyj II, 194); '1. a soldier carrying gun; 2. a man firing at the target' (Varma IV, 40); *bañdūqčī* 'musketeer, rifleman' (Platts, 170).

In H. probably from P. *bundūqchī* 'musketeer, rifleman' (Steingass, 202), *bondoqčī* 'soldat s ružjom' (Rubinčik I, 222) < Tu. *bundukji* 'orig. a pellet shooting cross-bow man; later a matchlock man' (Redhouse, 388), *bundukçu* (= *bundukdar*) 't. s.' (Red.Dict., 200). A source word is A. *bunduk* 'streljať; ubivať iz ognestrel'nogo oružja' (Baranov, 86).

2. *bigulcī* '1. muz. rožok, gorn; 2. trevoga (signal opasnosti); 3. sirena' (Beskrovnyj II, 249); '1. a type of western horn, whose special signals are used for getting soldiers together and guiding them to different actions' (Varma IV, 128).

From E. *bugle*, that is a brass musical instrument, played by blowing, like a trumpet but shorter, used equally for army calls. A hybrid-word *bigulcī* seems to be dated on 18th-19th c., when the British Army in India used to employ soldiers of Indian origin also, but Platts dictionary does not cite this word.

Cf. also H. *bigular* 'a man playing *bigul* [bugle] in army' < E. *bugler* 't. s.' (Varma IV, 128).

¹ This article is a continuation of the first part, published in *Folia Orientalia* Vol. XXXV (1999), p. 75-83.